

УДК 14:378

А. В. Климович¹, С. А. Жук²¹канд. филос. наук, доц., доц. каф. философии

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

²магистрант исторического факультета

Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина

e-mail: ¹ksisa@yandex.by; ²sergej.zhuk.98@mail.ru**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИТОГОВ И РЕЗУЛЬТАТОВ ВСЕМИРНО-
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ Г. ГЕГЕЛЯ
И Ф. ФУКУЯМЫ: ИСТОРИКО-КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ**

Исследуется историко-научный, социальный и иные контексты формирования идей Г. Гегеля и Ф. Фукуямы. Осмысливаются механизмы достижения «конца истории» и изучаются его парадоксы. Показано, какую роль в осмыслении всемирно-исторического процесса Гегелем и Фукуямой играют категории свободы и государства, и выявлено сходство и различие в интерпретации мыслителями этих категорий. Делается аргументированный вывод о том, что социально-политическая философия Фукуямы представляет собой по сути секулярный вариант гегельянства.

Человек задумывается о смысле и назначении истории уже на протяжении многих тысячелетий. За время донаучной и научной рефлексии данных проблем сформировалось два основных подхода, объясняющих закономерности развития истории: циклическая парадигма и парадигма «стрелы времени», между ними находится целый спектр синтетических теорий и концепций. Первые попытки рассмотрения истории как циклического процесса относятся, на наш взгляд, к незаслуженно забытому исследователями «Речению Ипувера» («Речению Ипусера»), в котором говорится как о народных восстаниях, вторжениях иноземцев, экономическом кризисе, природных катаклизмах, так и о восстановлении могущества Египетского государства. Подобные мысли о циклическости истории высказывались и в книге «Экклезиаста», правда, разбавленные размышлениями об экзистенциальном одиночестве человека в мире, покинутом Богом. Традиция «Экклезиаста» нашла свое отражение в философии Ф. Ницше, а значит, как непосредственно, так и опосредованно оказала значительное влияние на неклассическую европейскую философию. Несомненно, что и в рамках циклического подхода можно говорить о своеобразном «конце истории» – как окончании одного цикла. Например, в уже упомянутом «Речении Ипувера» значительное внимание уделено эсхатологической составляющей, связанной с кризисом, нарушающим устои жизни общества.

Формирование парадигмы «стрелы времени» связано с развитием великих монотеистических религий, где провиденциальная и телеологическая философия истории является частью своеобразной «великой мистерии» Бога-демиурга и созданного им мира. В рамках статьи мы не будем рассматривать мистериальные монотеистические культы Древнего Египта и Греции, учения орфиков, пифагорейцев и др. В иудео-христианской традиции именно в христианской философской мысли «стрела времени» была осмыслена наиболее системно. Напомним, что восточная христианская традиция испытала огромное влияние неоплатонизма. Как вторая «волна» (практически в тоффлеровском понимании) именно эта парадигма проявила себя в науке Нового времени, ее «фронтом» стали картезианство, эмпиризм, немецкая классическая философия и, на наш взгляд, в наибольшей степени позитивизм. Классическим примером реализации этого подхода (прежде всего, каким он воспринимается в научном сообществе) является концепция философии истории Г. Гегеля. В конце 1980-х гг. не без определенного влияния философии истории Г. Гегеля Ф. Фукуямой был провозглашен либерально-демократи-

ческий «конец истории». Добавим, что определенная актуализация идеи «конца истории» (необязательно с формулировкой стройной философско-исторической или богословско-теологической концепции) наблюдается в имперской парадигме, которая обычно выходит за пределы физического времени и пространства, становясь вневременной, универсальной, идеократической, мистически привлекательной и всепоглощающей силой, действующей по библейской формуле: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня... ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Матф. 11:28–30).

В рамках статьи мы осуществим попытку компаративного анализа идей «конца истории» в концепциях Г. Гегеля и Ф. Фукуямы. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1) определить исторический контекст, повлиявший на восприятие этими философами всемирно-исторического процесса;

2) выявить особенности понимания Г. Гегелем и Ф. Фукуямой итогов и результатов всемирно-исторического процесса.

Исторический контекст формирования взглядов Г. Гегеля и Ф. Фукуямы на результаты и итоги всемирно-исторического процесса

Изучение исторического контекста для понимания специфики формирования тех или иных положений философии конкретного мыслителя не имеет эвристического потенциала до тех пор, пока не будет более или менее четко определено, каким образом и насколько они оказали влияние на восприятие мира, мировоззрение философа. Концепция философии истории Г. Гегеля была сформирована в рамках немецкой классической философии, что, несомненно, оказало определенное влияние на его умозаключения. Это дало возможность ряду авторов (например, А. В. Яцевич [1]) говорить о неоригинальности модели суждений Г. Гегеля, заимствовании философской концепции И. Фихте.

Молодость Г. Гегеля прошла не только в тиши университетских аудиторий и жарких академических спорах, но и под грохот Французской революции. Профессор Гегель стал не только человеком, жившим в эпоху Наполеоновских войн и установления и развития Венской системы международных отношений, но и их непосредственным свидетелем и участником. В 1806 г. война с «Корсиканским чудовищем» коснулась и его родной Пруссии. Во время войн IV Коалиции боевые действия докатились до Йены, где Г. Гегель дописывал и редактировал книгу «Феноменология духа». После победы в битве при Йене Наполеон вошел в город. Существует исторический или псевдоисторический факт встречи этих двух великих людей, которая в некотором роде подвигнула Г. Гегеля провозгласить «конец истории». Отметим, что Г. Гегель избегает концепта «конец истории». Скорее мы можем говорить о «смысле истории» или о «результате истории». Тем не менее в научном дискурсе весьма распространено мнение о том, что в «Феноменологии духа» Гегель провозглашает «конец истории». Одна из побед Наполеона (не самая блестящая или эффектная) заставила философа говорить о фундаментальных изменениях во всемирно-историческом процессе. Впрочем, известные нам биографические работы, в силу внутренней противоречивости сведений о жизни философа, а следовательно наличия ряда историографических традиций, не позволяют сделать однозначные выводы о причинах подобного умозаключения.

Г. Гегель не внес коррективов в свою концепцию, несмотря на консервативный тренд во внутренней политике Наполеона, реставрацию монархий (режимы легитимизма), поражение от Российской империи, свержение, «100 дней», ссылку на остров Святой Елены.

Второй раз системно к философии истории Г. Гегель вернулся в 1820-х гг. во время чтения курса по философии истории в Берлинском университете (книга была издана посмертно). В условиях новой геополитической реальности Гегель одобряет именно Прусскую модель, которая в наибольшей степени не только может быть носителем «скипетра» истории (в оригинале: *Herrscherstab*), но и создает условия для реализации Абсолютного духа в истории. Гегелем даже половинчатые и непоследовательные реформы Гогенцоллернов воспринимаются в весьма позитивном ключе: доступ к государственным должностям открыт каждому гражданину, но умение и пригодность являются необходимыми условиями [2, с. 455].

Восприятие Гегелем исторических процессов начала XIX в., исходя из созданных им текстов, позволяет сделать вывод об их «отрефлексированности» через призму его объективно-идеалистического учения. Вместе с тем мы можем допустить, что Гегель воспринимает исторические процессы с позиции «пророка», чья миссия – растолковать истинный смысл истории и современности и быть «консультантом» личностей, через которые Абсолютный Дух воплощается в истории. Гегель охотно делал своеобразные «реверансы» в сторону ведущих геополитических акторов своего времени, одновременно выполняя роль «пророка».

Несколько по-иному исторические процессы воспринимаются Ф. Фукуямой. Напомним, что собственный взгляд на «конец истории» Ф. Фукуяма изложил в конце 1980-х гг., а уже спустя десятилетие начал проводить его ревизию. В рамках статьи целесообразно остановиться на исторических событиях, которые заставили Фукуяму «реанимировать» и развивать идеи Г. Гегеля. В той или иной степени на формирование идей Фукуямы оказали влияние следующие процессы и события, ставшие эмпирической основой аргументации провозглашения конца истории: «демократический транзит» начиная с середины 1970-х гг. в странах Южной Европы, Латинской Америки, Азии, Африки; уничтожение правой альтернативной магистрали глобального развития, причем как ее европейской, так и азиатской ветви; форсированное развитие стран Азии в 1970–1980 гг., что привело к появлению такого феномена, как «азиатские тигры»; экономические реформы в КНР в условиях существования рыночных механизмов; демократические революции в Центральной и Восточной Европе; перестройка в СССР и дезинтеграция советской мир-империи.

События на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. не упоминаются Ф. Фукуямой в статье «Конец истории?» [3], и это связано с тем, что текст был создан до вышеупомянутых событий. В книге «Конец истории и последний человек» философ отмечает: «Китай после площади Тяньаньмэнь далек сейчас от либеральной демократии, но по мере хода экономических реформ его внешняя политика становится все более, можно сказать, буржуазной. Похоже, что сегодняшнее руководство Китая понимает, что не может обратить экономические реформы вспять и что Китаю придется оставаться открытым для международной экономики» [4, с. 406]. Наибольшее влияние на формирование идей Фукуямы оказали революции в Центральной и Восточной Европе (возвращение региона на путь либерально-демократического развития) и процессы демократизации и либерализации в СССР (поражение коммунистической альтернативы развития). Дезинтеграция советской мир-империи, скорее, стала приятным «бонусом» для концепции Фукуямы, резко усиливая поток воды, льющийся на жернова «конца истории».

В целом политическую историю XX в. Ф. Фукуяма склонен интерпретировать как «сореживание» глобальных идей коммунизма, фашизма и либеральной демократии, в котором победа достается либерально-демократической идее, т. к. она наиболее комплементарна природе человека.

Очевидно, что довольно быстрый распад мировой системы социализма оказал на американского мыслителя значительное влияние: еще за десятилетие до этого ком-

мунистическая идея оставалась довольно привлекательной в Латинской Америке и странах Азии и Африки, советские войска стояли в Берлине, вся Центральная и Восточная Европа фактически развивалась в рамках советской парадигмы при «надзорной» функции войск Варшавского пакта и т. д. Сравнивая текст квалификационной работы Ф. Фукуямы на соискание степени доктора философии, посвященной проблемам советской геостратегии на Среднем Востоке (защищена в 1980 г.), и статьи «Конец истории?», опубликованной в журнале «National interest» летом 1989 г., можно отметить следующее [5]: как и большинство западных интеллектуалов, Ф. Фукуяма до периода явного кризиса в советской модели считал, что коммунизм – это «всерьез и надолго», а значит, СССР является геополитическим актором, с которым необходимо взаимодействовать хотя бы в интересах сохранения мира на земле. Более того, кризис советской системы вызвал у философа, привыкшего мыслить в парадигме биполярности, своего рода экзистенциальный, мировоззренческий кризис: великий противник повержен, но что дальше? Именно эйфория победы, с одной стороны, позволяет делать выводы и обобщения на высоком уровне абстракции, а с другой – уничтожает старые смыслы и заставляет находить новые. На наш взгляд, провозглашение Ф. Фукуямой конца истории (а заодно и конца философии и искусства) является примером этого явления.

Сопоставляя особенности восприятия исторического процесса Ф. Фукуямой и Г. Гегелем, мы можем найти как ряд сходств, так и несколько очевидных различий. Наиболее ярким сходством является «пропускание» («рефлексирование») процессов объективной реальности сквозь призму категории «свобода». И для Гегеля, и для Фукуямы этот концепт является краеугольным в системе их идей, т. к. стремление к свободе заложено, по их мнению, в самой природе человека. Также философы делают привязку провозглашения «конца истории» и определения ее результата к *конкретным* историческим (или геополитическим) процессам. Среди различий прежде всего необходимо упомянуть понимание Гегелем и Фукуямой роли и места себя самого во всемирно-историческом процессе. Если Г. Гегель позиционирует себя как «пророк» (на ум приходят аналогии с ветхозаветными библейскими пророками Исайей, Иеремией, Иезекииелем, которые не только слышали и транслировали голос Высшего Существа, но и обладали изрядной толикой политического опыта), то Ф. Фукуяма не только провозглашает свои философские идеи, но и очень активно отстаивает необходимость их реализации в политическом процессе (мыслитель являлся одним из идеологов неоконсерватизма в 1990-е – начале 2000-х гг.). Таким образом, согласно Дженкинсу-Смиту [6, с. 256], Г. Гегель может быть определен как «адвокат идеи», а Ф. Фукуяма, по классификации З. Баумана [6, с. 257], – как «ученый-законодатель» и «ученый-переводчик».

Осмысление итогов и результатов всемирно-исторического процесса в контексте философии Г. Гегеля и Ф. Фукуямы

Механизмы достижения конца истории и его сущность

Гегель рассматривает всемирно-исторический процесс в контексте собственной философской системы. Для него история – это самостоятельная, но не самодостаточная сфера бытия, которую пронизывает Дух. Следовательно, всемирная история есть вообще проявление духа во времени [7, с. 119]. Существующий Субъективный Дух, совершая исход, разворачивает себя через Объективный Дух, который осуществляет процесс разворачивания и возвращения в себя через отчуждение. Исход создает предпосылки возврата, а возврат, пройдя весь цикл, возвращает самому себе Субъективный Дух, который становится Третьим Духом – Абсолютным Духом. Иначе говоря, весь всемирно-исторический процесс – это осознание Абсолютным Духом самого себя. Выходя за рамки человеческой истории, История представляет собой не поступательное движение

вверх, а прыжок с вершины в пропасть, чтобы затем забраться на бесконечно высокую вершину. В общем виде это может быть представлено на рисунке 1.

Рисунок 1. – Воплощение Духа в мировой истории в концепции Г. Гегеля

Человек не только является инструментом Духа, но и выступает как полноправный субъект. Г. Гегель не очень высоко оценивает значение личности в истории: великая личность всегда действует под водительством Духа, и тогда и только тогда остается в истории. Более того, для каждого исторического народа у Духа есть свое предназначение, которое ему необходимо выполнить и остаться в истории или нет – и уйти в небытие (народы как индивидуумы растут, стареют, умирают, но самое важное – выполнение своей миссии). Именно этап, определенный нами как «человеческая история», создает возможности различных интерпретаций всемирно-исторического процесса как в рамках «стрелы времени», так и в циклической парадигме.

Человеческая история делится Г. Гегелем на два периода: доистория (предыстория) и собственно история [2, с. 107, 108, 111]. Начало истории связано с институционализацией государства. Только в условиях существования государства Дух может себя познать, «распространение языка и формирование племен лежат за пределами истории». Ниже в таблице рассмотрим механизм достижения «конца истории».

Таблица. – Этапы всемирно-исторического процесса в интерпретации Г. Гегеля

Этап	Периоды	«Этап жизни»	Государственное устройство	Особенности
Восточный мир	Государства Передней Азии	Детство	Патриархальная деспотия	Понимается цель истории, господствует непосредственное сознание, индивидуум находится в наивном согласии с общей целью, «пестрая мозаика». Персы являются первым историческим народом. Персия – первое исчезнувшее государство
	Государства Средней Азии и Дальнего Востока	Подростковый возраст		
Греческий мир	Нач. I тысячелетия до н. э. – 490-е гг. до н. э.	Юношеский возраст	Формирование демократии	Выработка реальной индивидуальности (субъективное и объективное художественное произведение)
	490–430-е гг. до н. э.		Расцвет демократии	Самостоятельность реальной индивидуальности, ее счастье в победе над внешним врагом при столкновении с предшествующим периодом

	430-е гг. до н.э. – 160-е гг. до н. э.		Кризис демократии	Период упадка и падения реальной индивидуальности при столкновении с последующим органом всемирной истории	
Римский мир	Первоначальная история Рима (до Пунических войн)	Взрослость	Борьба аристократии с царской властью	Царство абстрактной всеобщности	Противоположные определения еще почивают в спокойном единстве, пока противоположности не усилятся и государственное единство не окрепнет вследствие того, что оно породило из себя противоположность и содержит ее в себе как существующую
	Рим на арене мировой истории (от Пунических войн до кризиса III в.)		Триумф демократии, имперское правление		Расширение Рима, достижение наибольшего могущества, которое и предопределило его упадок
	Кризис и соприкосновение с Германским миром (III–V вв.)		Триумф аристократии, деспотизм		«Фасадная мощь», институционализация христианской идеи, взаимодействие с германским миром
Германский мир	От великого переселения народов до империи Карла Великого	Творческая зрелость	Раннефеодальная монархия	Синтез германского мира и христианства	
	От империи Карла Великого до империи Карла V		Феодальная монархия	Последовательная самостоятельность и противоположность – церкви для себя как теократии и государства для себя как феодальной монархии. Христианская свобода обратилась в свою собственную противоположность как в религиозном, так и в светском отношении	
	От Реформации до начала XIX в.		Абсолютная монархия, конституционная монархия	Политическая, экономическая и культурная модернизация, принцип свободного духа стали знаменем мира, и из этого принципа развиваются общие основные положения разума	

Так происходит, по Гегелю, восхождение Духа, и каждый новый исторический народ, выполняя свое предназначение, способствует его самопознанию. Так, например, римский народ наложил оковы на индивидуумов, собрал всех богов в пантеон мирового владычества, однако он сохранял всякую жизненность в человеке.

Ф. Фукуяма иначе интерпретирует всемирно-исторический процесс. Он не рассматривает категорию Духа, его идеализм не выходит за пределы человеческой истории и более активно, чем у Гегеля, осмысляет экономическую и социальную системы общества. Фукуяма предлагает свою универсальную историю человечества, в которой пытается найти осмысленную общую закономерность в развитии человеческих обществ в целом. Мыслитель отмечает: воистину циклическая история возможна только в том случае, если мы опустим, что существующая цивилизация может исчезнуть полностью, не оставив никаких следов тем, кто придет потом. Ниже предлагается модель, согласно Ф. Фукуяме, перехода к «концу истории» (рисунок 2).

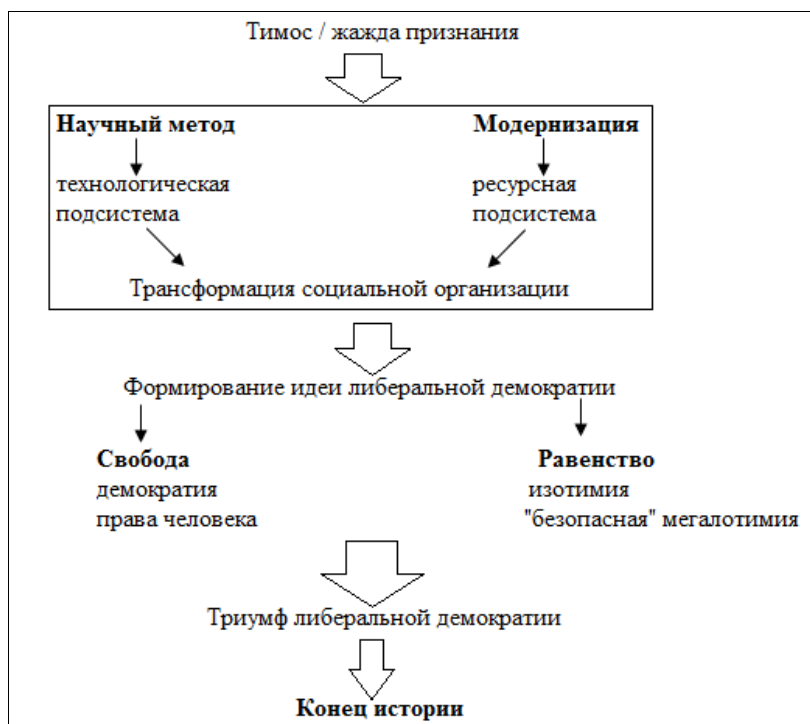

Рисунок 2. – Модель достижения «конца истории»
в философии Ф. Фукуямы

Несомненно, что важнейшей категорией для понимания философии Фукуямы является категория «свобода». Именно она выступает ключевым аспектом тимоса и жажды признания. Как мы видим, все представленные здесь феномены имеют историческую природу. История в понимании американского философа начинается в момент появления раба и господина (это в целом соотносится со взглядами Гегеля с учетом вкладывания явления в процесс формирования государства с методологических позиций теории инвазии, которая является одной из ведущих в современном научном дискурсе).

Человек желает, чтобы его собраты признали его в качестве человека. И то, что составляет идентичность человека как человека, наиболее фундаментальное и присущее лишь человеку свойство, – это способность человека рисковать собственной жизнью. Играя в признание, человек неизбежно сталкивается с другими людьми, что ведет к беспощадной борьбе. Эта борьба может иметь три исхода: смерть противников; смерть одного из противников, что приводит к тому, что уцелевший по-прежнему не может удовлетворить свою жажду признания, т. к. нет более другого человеческого сознания, которое могло бы его признать; битва может закончиться отношениями господина и раба, когда один из противников решает принять рабскую жизнь, чтобы не рисковать насильственной смертью [4, с. 242–247].

Вся дальнейшая история – это борьба за освобождение. Важную роль в этом процессе сыграло христианство, которое уравнило раба и господина, но только в загробном мире. Исторический мир полон разнообразных битв, столкновений и т. п. Вместе с тем происходит и идеологическая эволюция человечества, в которой, с одной стороны, воплощается идея свободы, а с другой стороны, ищется оптимальный уровень соотношения мегалотимии и изотимии.

XX век в понимании Фукуямы – это столкновение и конкуренция глобальных идеологий коммунизма, фашизма и либеральной демократии [4]. В отличие от Гегеля Фукуяма настроен не так безапелляционно относительно правильности своего варианта понимания сути исторического процесса. Он не единожды подчеркивал своеобразную

случайность победы либеральной демократии, которая несколько раз находилась на волоске от гибели: во время Первой мировой войны, во время Второй мировой войны (вызов фашизма) и во время наибольшего могущества советской мир-империи (вызов коммунизма). К сожалению, в ранних работах Фукуямы только тезисно обращается к определению роли и места модернизационных изменений и развития науки в историческом процессе, что не дает нам возможности раскрыть специфику его аргументации, однако это является серьезным отличием от концепции Г. Гегеля, который такую проблему практически не замечает. Однако конец истории возможен тогда и только тогда, когда альтернативы мирового развития (фашизм и коммунизм), бросившие вызов либеральной демократии, будут повержены.

Триумф «конца истории» Ф. Фукуямы связывает с победой идеи либеральной демократии, что заключается в формуле «дух 1989». И здесь американский философ фактически идет за Гегелем: привязывает «конец истории» к событиям, пытаясь эмпирически его доказать. Однако, как и у Гегеля, «конец истории» определяется как то, что должно быть. И еще, может быть, не такое явное отличие: «конец истории» Гегеля совершен Духом, водительствовавшим Наполеоном или домом Гогенцоллернов – «конец истории» Фукуямы совершают народы, сбрасывая ненавистное ярмо несвободы, жертвуя своей жизнью ради возможности достичь ее в будущем. Но есть и несомненное сходство: «конец истории» рождается не на полях битв и не под лозунги революций, а в кабинетной тиши. Именно философ рефлексировал над историческим процессом, и именно он видит образ грядущего.

На наш взгляд, «конец истории» Ф. Фукуямы довольно печален в отличие от триумфального результата всемирно-исторического процесса Г. Гегеля. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной идеи, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма; вместо всего этого – экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Таким образом, «конец истории» Ф. Фукуямы может быть определен как завершение идеологической эволюции человечества.

Важную роль в аргументации «конца истории» Г. Гегелем и Ф. Фукуямой играет осмысление категорий свободы и государства. Исследование текстов философов позволяет сделать вывод о предельно схожей оценке роли свободы во всемирно-историческом процессе, который по сути и представляет собой воплощение этой идеи, только для Фукуямы это одна из целей, а для Гегеля – один из аспектов самопознания Духа. Также разнится и понимание воплощения свободы в истории. Г. Гегель отмечает: «Всемирная история есть дисциплинирование необузданной естественной воли и возвышение ее до всеобщности и до субъективной свободы. Восток знал и знает только, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны» [2, с. 148]. Ф. Фукуяма, соглашаясь с первыми двумя тезисами, считает, что все могут быть свободны только в либерально-демократическом мире [4, с. 303]. Исходя из этого, для Гегеля первая форма государственного устройства – деспотизм, вторая – демократия и аристократия, третья – монархия (в современном понимании – конституционная монархия. – А. К., С. Ж.). Для Фукуямы последней формой государственного устройства является демократия. Философы соглашаются, что принципы частной собственности и прав человека необходимо реализовывать в целях укрепления конца истории. Однако Гегель фактически приравнивает категории «общество» и «государство», и одно из проявлений самопознания Духа – это построение идеального государства, которое ограничивает произвол, а не свободу. Ниже представле-

ны модели соотношения категорий «свобода» и «государство» в философиях Гегеля и Фукуямы.

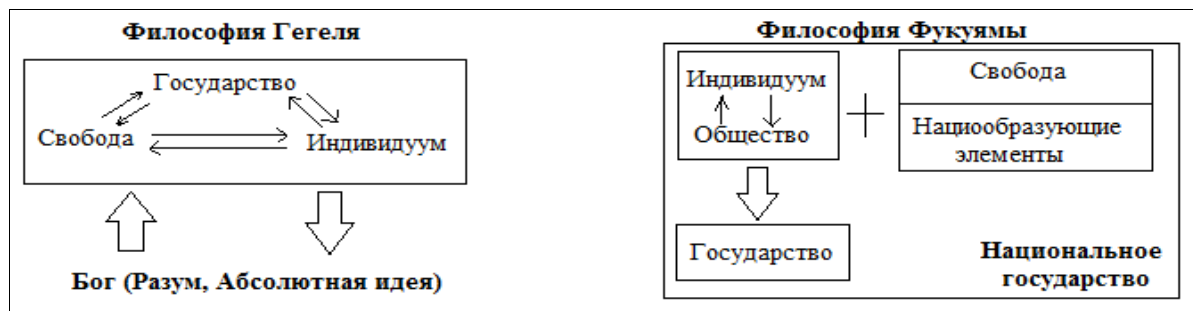

Рисунок 3. – Соотношение категорий «свобода» и «государство» в философии Г. Гегеля и Ф. Фукуямы

Парадоксы «конца истории»

Восприятие философий Г. Гегеля и Ф. Фукуямы научным сообществом попало в целый спектр герменевтических ловушек, который, на наш взгляд, в постмодернистском, постструктуралистском, фукольдянском и т. д. дискурсах может быть обозначен формулой «дискурс определяет сознание». Так, например, возникает описанная Х.-Г. Гадамером [8] ловушка «слияния горизонтов»: процесс опосредования прошлого к современности, а также текста, созданного в иной культурной или научной традиции.

Обычно в философском дискурсе и Г. Гегеля и Ф. Фукуяму определяют как последователей парадигмы «стрелы времени». И если идеи американского философа в целом вкладываются в этот подход, то философско-историческая система Гегеля в силу своей сложности, многоаспектности, своеобразной дискретности может восприниматься несколько шире. Позволим себе сделать две оговорки. Во-первых, известный комментатор Гегеля А. Кожев, который в ряде работ сводил весь всемирно-исторический процесс после битвы при Йене к «подчистке периферии» [9], в монографии «Идея смерти в философии Гегеля» фактически интерпретирует философскую систему Гегеля как циклическую парадигму философии истории [10]. Общая формула такова: человек – это жажда признания, которая может быть реализована только во всеобщем и гомогенном государстве [10, с. 247]. По какому праву можно утверждать, что это Государство не породит в человеке нового Желания, отличного от желания Признания, и что оно не будет, следовательно, однажды подвергнуто отрицанию через отрицающее или созидующее Действие, отличное от Борьбы и Труда? Подобный вывод о «конце истории» допустимо сделать, если известно, что желание признания исчерпывает все человеческие возможности. Но оно истинно только в том случае, когда знание о человеке абсолютно истинно, что может быть достигнуто только в «конце истории» [10, с. 249]. Итак, мы попадаем в своеобразный цикл. По мнению А. Кожева, Гегель приходит в конце концов к точке, которая является не чем иным, как его отправным пунктом: конечный синтез есть также и начальный тезис. Таким образом, он констатирует, что прошел, описал круг и что если он захочет продолжить, то ему придется возвращаться по кругу. Его описание нельзя расширить; можно лишь повторять его таким, каким оно однажды было произведено. Таким образом, под «концом истории» в данной системе координат понимается окончание одного цикла. Во-вторых, в «Лекциях по философии истории» Г. Гегель кратко определяет роль Нового света во всемирно-историческом процессе: «Америка есть страна будущего, в которой впоследствии, может быть в борьбе между Северной и Южной Америкой, обнаружится всемирно-историческое значение; в эту страну стремятся все те, кому наскучил исторический музей старой Европы» [2, с. 58].

Так почему же Абсолютный дух не последует в этот регион и не продолжит там воплощаться в истории?

Ф. Фукуяма также не говорит предельно однозначно о неизбежности «конца истории». Мы уже достаточно подробно рассматривали структуру и специфику вызовов «постисторической цивилизации» [11], поэтому в рамках данной статьи не будем на них обстоятельно останавливаться. Однако Фукуяма еще в 1989 г. писал: «Это (конец истории) ни в коем случае не означает, что международные конфликты вообще исчезнут. Ибо и в это время мир будет разделен на две части: одна будет принадлежать истории, другая – постистории. Конфликт между государствами, принадлежащими постистории, и государствами, принадлежащими вышеупомянутым частям мира, будет по-прежнему возможен» [4, с. 148]. По мнению философа, постисторическая цивилизация должна перебороть ещё ряд «суррогатов» цивилизационного развития: национализм и религиозный фундаментализм.

Заключение

Таким образом, рассмотренные версии осмысления всемирно-исторического процесса, несмотря на значительные сходства (ряд исследователей вообще считают Ф. Фукуяму комментатором Г. Гегеля), имеют и ряд различий, которые могут быть объяснены следующими причинами: различными научными дискурсами (не только в философии, но и в исторических науках), в рамках которых работали философы; различным позиционированием социальной роли философа; различными историческими и геополитическими контекстами; различной научной рефлексией роли государства как института.

Обобщая, можно сделать следующие выводы:

1. «Конец истории» Гегеля и Фукуямы скорее номинативен, чем эмпиричен.
2. Идея свободы является ключевой категорией для понимания специфики «конца истории» Гегеля и Фукуямы.
3. «Конец истории» и Гегеля, и Фукуямы, является вариацией европоцентричной (для Ф. Фукуямы в контексте Атлантической цивилизации) парадигмы в политической философии.
4. «Конец истории» Ф. Фукуямы допустимо определить как секуляризованный вариант историко-философской концепции Г. Гегеля.
5. Для Г. Гегеля «конец истории» – триумф Духа, для Ф. Фукуямы он печален и имеет значительный «привкус» постмодернистской скуки и отсутствия глобальных нарративов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Яцевич, А. В. Философия истории Г. В. Ф. Гегеля / А. В. Яцевич. – М., 1994. – 248 с.
2. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1993. – 480 с.
3. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопр. философии. – 1990. – № 3. – С. 134–148.
4. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма ; пер. с англ. М. Б. Левина. – М. : АСТ, 2007. – 588 с.
5. Francis Fukuyama [Electronic resource] // Encyclopedia Britannica. – Mode of access: <https://www.britannica.com/biography/Francis-Fukuyama>. – Date of access: 12.11.2018.
6. Юревич, А. В. Психологи тоже шутят / А. В. Юревич. – М., 2005. – 342 с.

7. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель ; вступ. ст. и комент. Ю. Р. Селиванова. – М. : Акад. Проект, 2008. – 767 с.
8. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод : пер. с нем. / Х.-Г. Гадамер ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988. – 704 с.
9. Кожев, А. В. Введение в чтение Гегеля / А. В. Кожев. – СПб. : Наука, 2013. – 792 с.
10. Кожев, А. В. Идея смерти в философии Гегеля / А. В. Кожев ; пер. с фр. и послесл. И. Фомина. – М. : Логос : Прогресс-Традиция, 1998. – 504 с.
11. Жук, С. А. Вызовы постисторической цивилизации в конце 1980-х – середине 2010-х годов: видение Ф. Фукуямы / С. А. Жук // Беларус. думка. – 2019. – № 5 – С. 54–61.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 24.09.2019

Klimovich A. V., Zhuk S. A. Interpretation of the Results and Outcomes of the World Historical Process in the Philosophy of History of G. Hegel and F. Fukuyama: a Historical-Comparative Analysis

The article provides a historical and comparative analysis of the views of G. Hegel and F. Fukuyama on the results and outcomes of the world historical process. The historical-scientific, social and other contexts of formation of ideas of these thinkers are investigated. The mechanisms of achieving the «end of history» are comprehended and its paradoxes are studied. It is shown what role in the understanding of the world-historical process by Hegel and Fukuyama play the categories of freedom and the state and revealed the similarities and differences in the interpretation of these categories by thinkers. A reasoned conclusion is made that Fukuyama's socio-political philosophy is essentially a secular version of Hegelianism.